

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. Ю. Татузов¹

ИМЭМО РАН (Москва, Россия)

УДК: 339.9

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-5-6

**ПОЧЕМУ ОДНИ СТРАНЫ БОГАТЫЕ,
А ДРУГИЕ БЕДНЫЕ
(АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПИИ)**

В 2024 г. Нобелевская премия была присуждена трем американским экономистам новой институциональной школы Д. Аджемоглу, С. Джонсону и Дж. Робинсону. В то же время, вопреки их прогнозам, роль таких стран, как Китай, Индия и Россия, в мировой экономике возрастает, так как мир движется к многополярности. Статья содержит критический анализ теоретических подходов новых нобелевских лауреатов и их некоторых антироссийских комментариев, в особенности, по поводу отношений между Россией и Украиной. По мнению Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона, Китай, Индия и Россия находятся в «институциональной ловушке» из-за неэффективных институтов. На самом деле, их экономики в 2017–2024 гг. продемонстрировали сравнительно хорошие показатели, что подтвердила в 2024 г. Программа международных сопоставлений (ПМС), осуществляемая Всемирным банком. В статье также рассматриваются текущие тренды и актуальные проблемы ПИИ. Хотя автор приходит к выводу, что на потоки ПИИ в мире положительно влияет снижение процентных ставок центральными банками ряда стран, растущая неопределенность относительно будущего мировой экономики и международной торговли создает множество новых рисков для глобальных цепочек создания стоимости и ПИИ. Кроме того, в апреле 2025 г. ЮНКТАД указала, что новые таможенные тарифы, введенные президентом США Д. Трампом, толкают мировую экономику к рецессии. В этих условиях автор предлагает вспомнить некоторые идеи экономиста «старой» институциональной школы, лауреата Нобелевской премии 1974 г. Г. Мюрдаля о роли государства как на национальном, так и на международном уровне. Сформулированы рекомендации для экономической политики РФ.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, ПИИ, новая институциональная экономика, НИЭ, полицентризм, общество и государство, институты, Нобелевская премия по экономике.

Цитировать статью: Татузов, В. Ю. (2025). Почему одни страны богатые, а другие бедные (актуальные проблемы ПИИ). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(5), 137–155. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-5-6>.

¹ Татузов Виктор Юрьевич — доктор экономики (PhD) Сорбонны, с.н.с., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук; e-mail: vyatut@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4669-3928.

V. Y. Tatuzov
 IMEMO RAS (Moscow, Russia)
 JEL: B27, F01, F02, F21. F44

WHY SOME NATIONS ARE RICH WHILE OTHERS ARE POOR (CURRENT FOREIGN DIRECT INVESTMENTS CHALLENGES)

In 2024 the Nobel prize was awarded to three American economists associated with New Institutional Economics (NIE): D.Acemoglu, S.Johnson and J. A. Robinson. At the same time, contrary to their predictions, the role of countries such as China, India, and Russia in the world economy is increasing as the world is moving towards multipolarity. The article contains critical analysis of theoretical approaches used by the new Nobel prize-winners and of some of their anti-Russian comments, in particular, on relations between Russia and Ukraine. According to D.Acemoglu, S.Johnson and J. A. Robinson, China, India, and Russia are in an «institutional trap» due to inefficient institutions. In fact in 2017–2024 their economy manifested relatively good performances as it was confirmed in 2024 by the International Comparison Programme (ICP) carried out by the World Bank. Also, the article examines current trends and pressing problems of Foreign Direct Investments (FDI). However, the author concludes that although FDI flows in the world are positively affected by the decrease of central banks interest rates in many countries, growing uncertainty about the future of the world economy and international trade is creating many new risks for global value chains and FDI. In addition, UNCTAD in April 2025 pointed out that new customs tariffs introduced by US President D. Trump are pushing the world economy towards a recession. Under these conditions the author suggests to recall some ideas about the role of the state on both national and international levels by the Nobel prize-winner in 1974 G. Myrdal (associated with Old Institutional Economics). The article provides certain recommendations for the Russian economic policy.

Keywords: foreign direct investments (FDIs), New Institutional Economics (NIE), multipolarity, society and state, institutions, Nobel Prize in Economic Sciences.

To cite this document: Tatuzov, V. Y. (2025). Why some nations are rich while others are poor (current foreign direct investments challenges). *Lomonosov Economics Journal*, 60(5), 137–155. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-5-6>

Введение

В середине октября 2024 г. лауреатами Нобелевской премии по экономике стали американцы Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон — представители новой институциональной экономической школы. По мнению нобелевских лауреатов 2024 г., существуют два типа экономических и политических институтов — экстрактивные и инклюзивные институты — в зависимости от степени и условий участия больших групп населения в производстве и распределении благ, а также в политической жизни.

Согласно новым нобелевским лауреатам, экстрактивные институты, например, способствуют необъективной системе правосудия, созданию барьеров для свободного выбора профессии и входа новых игроков на рынок, высокому уровню социального неравенства, большой концентрации власти. Инклюзивные — беспристрастной системе правосудия, свободному выбору профессии и входу на рынок, более равномерному распределению богатства, политическому плюрализму. По сути, экстрактивные и инклюзивные институты близки, соответственно, к недемократическим и демократическим институтам, хотя и не сводятся к ним. (Более подробный анализ указанных определений выходит за рамки данной статьи и требует специального анализа.)

По мнению нобелевских лауреатов 2024 г., инклюзивные институты обеспечивают устойчивый экономический рост, тогда как в условиях экстрактивных институтов такого роста не происходит. В частности, эти авторы использовали пример КНР как страны, по их мнению, с экстрактивными институтами, и, соответственно, ограниченными перспективами. Для улучшения перспектив этой и другим странам рекомендовалась смена политического режима. Подходы Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона уже критически анализировались в отечественной экономической литературе (Шаститко, 2020; Григорьев, Павлюшина, 2018). Однако в последние годы в связи с событиями на Украине и использованием нобелевскими лауреатами 2024 г. своих теорий для выступлений с антироссийских позиций появилась необходимость по-новому и еще более критически подойти к анализу их работ.

Уже 15 октября 2024 г. руководитель Киевской школы экономики, комментируя присуждение Нобелевской премии, подчеркнул важность для Украины построения инклюзивных институтов, противопоставил им экстрактивные российские институты и заявил, что РФ якобы стремится помешать Украине построить инклюзивные институты, которые могли бы сблизить ее с Европой. Существуют и другие подобные комментарии.

К тому же в 2022–2025 гг. нобелевские лауреаты 2024 г. продолжали делать антироссийские заявления о деградации России и необходимости победы Украины над Россией в интересах демократии, причем даже в последние месяцы эти экономисты активно выступали с антироссийских позиций, несмотря на изменение официальной позиции США по украинскому вопросу после вступления в должность президента Д. Трампа. Укажем, что подходы нобелевских лауреатов 2024 г. недостаточно универсальны, и, как показано в статье, многие их прогнозы не оправдываются.

Подчеркнем, что ряд основных рекомендаций новых нобелевских лауреатов, при всех их бесспорных научных достижениях (например, в сфере применения эконометрики) предполагает предоставление западной помощи и активное реформирование политических институтов в незапад-

ных странах (по западным рецептам), т.е. их рекомендации являются неприемлемыми для сегодняшней России. С учетом последних анти-российских выступлений этих экономистов автор считает своим долгом предпринять попытку критического исследования ряда идей нобелевских лауреатов 2024 г. В процессе критического анализа их работ и на основе подходов других известных экономистов, в том числе лауреатов Нобелевской премии предыдущих лет, автор сформулировал, как ему кажется, более адекватные для России рекомендации в сфере внешнеэкономических связей РФ.

Акцент в статье сделан на вопросах международного инвестирования. В частности, в качестве своего рода альтернативы подходам Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона используются некоторые идеи получившего Нобелевскую премию ровно на 50 лет раньше них шведского экономиста Г. Мюрдаля (представителя «старой» институциональной школы). Подчеркнем, что Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон применяли подходы и других известных экономистов, подчеркивавших огромную роль институтов при анализе проблем богатых и бедных стран, например, А. Мэддисона, Д. Норта, Г. Мюрдаля, возможно делавших это более органично. (Автору повезло и ему удалось когда-то прослушать курс лекций А. Мэддисона и сдать ему на отлично магистерский экзамен.)

Анализом теоретических и других аспектов международного инвестирования, или вопросов экономического неравенства между странами в разное время занимались современные отечественные и зарубежные экономисты: А. Аузан, А. Березной, Л. Григорьев, Р. Дзарасов, В. Загашвили, А. Кузнецов, В. Кондратьев, М. Максимова, А. Шаститко, Ю. Шишков, А. Пороховский, С. Амин, В. Андреев, Д. Аджемоглу, Ж. Бхагвати, Д. Даннинг, С. Джонсон, Р. Кейнс, С. Квак, Ш. Мишале, А. Мэддисон, Г. Мюрдаль, Д. Норт, Ф. Парк, Ж. Сапир, Дж. Робинсон, Э. де Сото, Ж. Энос и многие другие.

Цель работы — с учетом критического анализа некоторых западных подходов исследовать динамику прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в условиях траектории к полицентризму на мировой арене (в том числе осуществить анализ зарубежного опыта и ряда западных теорий в плане их возможного использования в нашей стране).

Задачи исследования:

- критически рассмотреть некоторые идеи и рецепты нобелевских лауреатов 2024 г.;
- проанализировать особенности текущих тенденций ПИИ в условиях траектории к многополярному миру;
- изучить возможность учета во внешнеэкономической политике РФ ряда получивших признание за рубежом теоретических подходов к анализу международных экономических отношений и некоторых аспектов зарубежного опыта в сфере ПИИ.

Для решения поставленных задач выбрана следующая структура. В первом разделе исследуются основные подходы нобелевских лауреатов 2024 г. Во втором разделе рассмотрен ряд актуальных тенденций в области межстрановых потоков ПИИ. В третьем разделе в сравнении с идеями лауреатов Нобелевской премии 2024 г. анализируются подходы других известных экономистов и некоторые аспекты зарубежного опыта в сфере импорта ПИИ с целью формулировки рекомендаций для экономики РФ.

Идеи нобелевских лауреатов 2024 г. в свете текущих проблем мировой экономики и международных отношений

В России хорошо известна ставшая мировым бестселлером книга Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, называвшаяся в русском переводе: «Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты» (Аджемоглу, Робинсон, 2024). Книга активно используется студентами и аспирантами, в том числе в России, так как вышла за рубежом еще в 2012 г. и спустя два года была переведена на русский язык. «Главная идея этой книги состоит в том, что экономический рост и процветание приходят с инклюзивными политическими и экономическими институтами, тогда как экстрактивные ведут к стагнации и нищете» — в частности, подчеркивается в книге (Там же, с. 129).

В связи с присуждением премии и новыми антироссийскими высказываниями авторов книги, а также комментариями украинских экономистов, возникает повод еще раз проанализировать, насколько оправдались суждения и прогнозы, сформулированные в этой и других работах американских экономистов, написанных свыше десяти лет назад. В своих более поздних работах авторы попытались полнее учесть фактор культуры (например, Acemoglu, Robinson, 2019). Со временем можно будет дать и более глубокий анализ последних книг, сопоставив сформулированные суждения с ходом реальных событий на длительном промежутке времени.

Напомним, что название наиболее известной их работы вызывает ассоциации с вышедшей в 2007 г. книгой известного норвежского экономиста Э. С. Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» (Райнерт, 2024). Вспомним, что британский экономист А. Мэдиссон назвал первую часть одной из своих книг: «Почему и когда Запад стал богатым» (Madisson, 2004). Также отметим, что одна из самых известных работ шведского экономиста Г. Мюрдала «Азиатская драма. Исследование бедности народов», опубликованная в 1968 г. (Myrdal, 1968), была написана в полемике с «Исследованием о природе и причинах богатства народов» А. Смита (Smith, 1776). Прямо или косвенно эта полемика может находиться у истоков нынешних дискуссий.

В работах Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона отразились достижения мировой экономической науки, современные эконометри-

ческие методы, далеко не всегда встречающиеся в публикациях экономистов любовь к истории и сочувствие к человеческим страданиям, причем на протяжении столетий (например, Acemoglu et al., 2001). «Изменение политического режима — вот где ключ к выходу из бедности, и, в конечном счете, ключ к процветанию», — подчеркивали нобелевские лауреаты 2024 г. (Аджемоглу, Робинсон, 2024, с. 16). Однако, как показывает опыт, например, «арабской весны» (см. ниже), изменение политического режима отнюдь не является подобным ключом. Подход этих авторов, несмотря на их несомненные научные достижения, является упрощенным и схематичным. Использование в экономике столь простых и жестких связей вызывает недоумение. Автор, напротив, полагает, что в известном смысле экономика — это квантовая механика, так как мы имеем дело с высоким уровнем неопределенности. В связи с этим уместно вспомнить критические аргументы выдающегося датского физика Н. Бора по поводу использования жестких причинно-следственных связей (Bohr, 1949).

Согласно нобелевским лауреатам 2024 г., залогом достижения устойчивого роста экономики в стране являются ее инклюзивные институты. Другими словами, они считают, что инклюзивные институты обеспечивают устойчивый экономический рост, тогда как в условиях экстрактивных институтов экономический рост не может быть устойчивым. В частности, эти авторы использовали пример КНР как страны, по их мнению, с экстрактивными институтами, перспективы экономического роста которой в книге, написанной еще более десяти лет назад, они рассматривали очень пессимистически. Однако их пессимизм не оправдался.

К тому же попытки реформирования отечественной экономики в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в терминах нобелевских лауреатов 2024 г. могут быть описаны как попытки перехода (с использованием западной помощи) от экстрактивных институтов к инклюзивным, но эти попытки сопровождалась огромными социальными издержками, что, как минимум, ставит под вопрос привлекательность рецептов лауреатов Нобелевской премии 2024 г.

Кроме того, в целом ряде стран с так называемыми, по мнению новых нобелевских лауреатов, инклюзивными институтами сейчас наблюдается скорее устойчивая стагнация, чем устойчивый экономический рост, в особенности, в сравнении с более динамичными экономиками. Например, в 2024 г. МВФ подсчитал долю стран и групп стран в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС) в ценах 2021 г. Согласно МВФ, в 2017–2024 гг. доля КНР, России, Индии в мировом ВВП существенно повысилась (табл. 1). Это свидетельствует о достаточно динамичном экономическом росте этих стран (находящихся, согласно новым нобелевским лауреатам, в «институциональной ловушке»), причем рост их экономик, по итогам новых расчетов МВФ (по ППС в ценах 2021 г.),

оказался еще более динамичным, чем предполагалось ранее (по ППС в ценах 2017 г.) (IMF, 2024, р. 111–112). В то же время доля ФРГ, Франции, Великобритании, США и развитых стран в целом в мировом ВВП снизилась (см. табл. 1). Расчеты проводились МВФ по данным Программы международных сопоставлений (ПМС) Всемирного банка, подготовленным им в 2024 г. в ходе сотрудничества с различными международными организациями, включая МВФ.

Таблица 1

**Доля некоторых стран и групп стран в мировом ВВП в 2017, 2021 и 2024 гг.
(по ППС в 2021 г., %)**

Страны	2017	2021	2024
<i>США</i>	15,2	15,2	15,0
<i>ФРГ</i>	3,6	3,4	3,1
<i>Франция</i>	2,4	2,2	2,2
<i>Великобритания</i>	2,5	2,3	2,2
Развитые страны (в целом)	43,6	41,6	40,2
<i>Россия</i>	3,1	3,7	3,6
<i>КНР</i>	16,6	18,5	19,1
<i>Индия</i>	6,8	7,3	8,2
Мир (без развитых стран)	56,4	58,4	59,8

Источник: (IMF, 2024, р. 111–112).

Как мы видим, в том числе на примере ряда ведущих стран Европы, так называемые инклюзивные институты могут не обеспечивать устойчивый экономический рост (табл. 1 и 2). При этом институты в КНР, наоборот, его обеспечивают. Например, во Франции, Великобритании и Германии нередко наблюдаются стагнация или спад ВВП. Темпы экономического роста в КНР, напротив, на протяжении многих лет остаются высокими и позитивными, хотя и снижаются (во многом под воздействием западных санкций).

Надежды, возлагавшиеся свыше десяти лет назад нобелевскими лауреатами 2024 г. на революции в Египте и Тунисе (Аджемоглу, Робинсон, 2024, с. 11–16), также не оправдались. Укажем, что обе страны в ходе революций столкнулись с огромными потерями, но так и не смогли выйти на уровень 2006–2008 гг., когда темпы роста в Тунисе составляли 4–7%, и в Египте — ежегодно около 7%. (Ряд других экономических показателей после революций также, как минимум, не улучшился.)

Темпы прироста ВВП в реальном выражении в КНР, Индии, Великобритании, Германии, Франции, Египте, Тунисе (%)

Страны	2008	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	9.7	7.8	7.4	7.0	6.8	6.9	6.7	6.0	2.2	8.4	3.0	5.2	5.0
Индия	3.1	6.4	7.4	8.0	8.3	6.8	6.5	7.9	−5,8	9.7	7.0	8.2	6.7
Франция	0.4	0.8	1.0	1.1	0.9	2.1	1.6	2.0	−7.4	6.9	2.6	0.9	1.1
Германия	0.9	0.4	2.2	1.7	2.3	2.7	1.1	1.0	−4.1	3.7	1.4	−0.3	−0.2
Великобритания	−0.2	1.8	3.2	2.2	1.9	2.7	1.4	1.6	−10.3	8.6	4.8	0.3	1.1
Тунис	4.2	2.4	3.1	1.0	1.1	2.2	2.6	1.6	−9.0	4.7	2.7	0.0	1.4
Египет	7.2	2.2	2.9	4.4	4.3	4.2	5.3	5.6	3.6	3.3	6.6	3.8	3.8

Источник: (World Bank , 2025).

Подчеркнем еще раз, что на Украине присуждение Нобелевской премии 2024 г. получило антироссийскую трактовку. В связи с этим укажем, что в работах новых нобелевских лауреатов, в частности, несколько раз упоминаются примеры Германии и Кореи. Нобелевские лауреаты отмечают, что в регионах, контролировавшихся русскими, по их мнению, сложились экстрактивные институты (Аджемоглу, Робинсон, 2024, с. 73, 79). В данном контексте напомним, что задолго до прихода советских войск в Германию к власти в этой стране пришли фашисты, т.е. так называемые инклюзивные институты породили фашизм. В определенной мере это было связано с тем, что, вопреки схемам лауреатов Нобелевской премии 2024 г., в западных странах вместо устойчивого экономического роста в межвоенные десятилетия отмечались Великая депрессия и другие острые экономические проблемы. На фоне длительных экономических трудностей в Европе тогда возник и усилился фашизм. Все это плохо вписывается в упрощенные причинно-следственные связи новых нобелевских лауреатов.

В целом в работах новых нобелевских лауреатов, как представляется, преувеличивается значение экономического роста. Как показывает бывший министр образования Франции Л. Ферри, давно выступающий, кстати, в поддержку российских позиций на Украине, нельзя принимать во внимание лишь материальные ценности, игнорируя другие ценности, и преувеличивать значение экономического роста (Ferry, 2011). Отметим в связи с этим, что достижения в социальной сфере имеют значение, в том числе для Европы. Автор полагает, что это верно и по отношению к СССР, и к бывшим странам-членам СЭВ, у которых было немало достижений в социальной сфере.

По поводу рекомендуемой новыми нобелевскими лауреатами помощи Запада сегодня все более очевидно, что эта помощь может иметь разные, в том числе разрушительные, последствия. Например, своей помощью, в первую очередь, военной, Запад фактически обрекает на разрушение и бедность Украину, искусственно разжигая конфликт, несмотря на то что любому человеку, хотя бы немного знакомому с геополитикой и военным делом, очевидно, что Украина объективно не способна победить Россию.

Укажем, однако, что для лучшего понимания ситуации на Украине необходимо обратиться к ее истокам, т.е. уместно вспомнить события более чем десятилетней давности. Например, еще в 2014 г. известные американские специалисты отмечали, что помощь базирующихся в западных странах международных организаций была направлена на вмешательство во внутренние дела Украины и поощрение импорта иностранных инвестиций, причем ощутимая часть украинской земли сельскохозяйственного назначения (1,6 млн га) уже тогда фактически находилась под контролем иностранных инвесторов (в первую очередь, западных) (Mittal, Moore, 2014).

В 2012 г. было подписано соглашение о совместной разработке ряда энергетических месторождений на Украине с американской компанией Chevron и англо-голландским энергетическим гигантом Schell (при участии И. Коломойского), причем месторождения находились в Восточной Украине. Как неоднократно отмечалось специалистами, западные ТНК способны делать бизнес на гражданских конфликтах. Например, Shell обвиняли в том, что эта компания была замешана в попытках в Южной Нигерии (Дзарасов, 2016, с. 124). Антиконституционный характер переворота 2014 г. против В. Януковича на Украине, происшедшего как логическое продолжение западной помощи и западных инвестиций, отмечали даже западные специалисты (Там же, с. 157–158).

Нельзя абсолютно исключать, что «арабская весна» стала для Запада своего рода репетицией или прологом событий на Украине в 2014 г. У «арабской весны» были, конечно, и внутренние причины. В то же время широко известно, что ЦРУ тогда использовало свои стандартные приемы поддержки «цветных революций», стремясь направить ход событий «арабской весны» в своих интересах. При этом антиконституционный переворот 2014 г. на Украине, организованный Западом против В. Януковича, и последовавшие за этим и продолжающиеся до сих пор события негативно отразились и на международных экономических отношениях, причем в мировом масштабе, включая такую их важную форму, как ПИИ.

Динамика ПИИ в мире: тенденции и перспективы

По данным ЮНКТАД, тенденция к номинальному падению потоков ПИИ в мире наблюдается с 2016 г. (рис. 1), в то же время по другим дан-

ным, многолетняя повышательная волна в динамике ПИИ закончилась в 2007 г., и уже с тех пор отмечается длинная понижительная волна. Например, по данным МВФ, отношение ПИИ к ВВП в мире на протяжении десятилетий в целом повышалось, превысив 5% в 2007 г., и с тех пор демонстрирует тренд к снижению, оставаясь в последние годы на уровне менее 2% (IMF, 2023).

В основе наблюдаемой многолетней траектории к снижению межстрановых потоков ПИИ лежат, как представляется, долгосрочные тенденции, отражающие продолжающуюся более пятнадцати лет перестройку мировой экономики, трансформацию ее локомотивов и механизмов. При этом обострение ситуации на Украине, начавшееся в 2014 г. из-за антиконституционного переворота против В. Януковича, с последующим развитием конфликта (санкциями, антисанкциями, геополитическими обострениями и т.д.), усиливает негативные процессы в сфере ПИИ.

По данным ЮНКТАД, в 2024 г. потоки ПИИ в мире несколько выросли (на 11%), составив около 1,4 трлн долл., что не позволяет, однако, пока констатировать окончание общего многолетнего негативного тренда (рис. 1). Это связано с тем, что с устранением двойного исчисления ЮНКТАД подчеркивает падение потоков ПИИ в прошлом году на 8% (вместо роста на 11%). С учетом крайне неопределенной глобальной ситуации, реальное положение в сфере ПИИ в мире на нынешнем этапе в целом характеризуется как неблагоприятное (см. ниже). Хотя зимние и весенние показатели по потокам ПИИ в мире (в частности, за 2024 г.) еще могут быть в дальнейшем пересмотрены ЮНКТАД и другими международными организациями, очевидно, что сохраняются в целом тревожные оценки сложившейся ситуации на глобальном уровне в сфере ПИИ в последние годы.

Рис. 1. Прямые иностранные инвестиции в мире в 1990–2025 гг.
(трлн долл., объем потоков)

Источник: (UNCTAD, 2024; UNCTAD, 2025a; UNCTAD, 2025c).

Общее беспокойство выглядит обоснованным, даже несмотря на некоторые позитивные факторы в сфере ПИИ, которые, в частности, обусловлены структурными изменениями в мировой экономике, приводящими к ускоренному развитию некоторых секторов. Движущими силами роста ПИИ, например, в отдельные периоды являются сектор полупроводников, развитие информационных технологий, создание центров обработки данных, а в ряде случаев — автомобилестроение и энергетика. Приток ПИИ резко увеличился в странах Африки, в частности, Северная Африка успешно использовала при импорте ПИИ преимущества своей территориальной и культурной близости к бывшим метрополиям. Несмотря на это, исходя из общей неустойчивости в сфере ПИИ в мире, пока рано говорить о фундаментальных успехах африканских стран. В то же время произошло снижение ПИИ в таких регионах, как Азия и Латинская Америка. В Азии роль КНР как импортера ПИИ по-прежнему уменьшается, но остается сравнительно высокой, причем роль этой страны как экспортера ПИИ продолжает увеличиваться.

Приток ПИИ в Мексике заметно увеличился. В Латинской Америке (в частности, в Бразилии) импорт ПИИ снизился, но потенциально ряд латиноамериканских стран, традиционных импортеров ПИИ, включая Бразилию, уже в обозримой перспективе могут оказаться направлениями масштабного притока ПИИ.

Как представляется, одним из факторов, стимулирующих инвестиции, в том числе международные (в особенности, проектное финансирование), является переход многих центробанков (хотя и не всех) от повышения процентных ставок к их снижению. Например, в 2024 г. были существенно снижены ставки центробанков в США, Великобритании, зоне евро (табл. 3). Вероятно использование более комплексных подходов в борьбе с инфляцией и ее трактовка в качестве многофакторного явления позволили бы многим странам в перспективе еще больше отойти от избыточного акцента на монетарных мерах антиинфляционной политики. Это дало бы возможность расширить стимулирование внутренних и международных инвестиций. Следует учитывать, что по прогнозам ЮНКТАД (апрель 2025 г.) для мировой экономики сформировалась реальная угроза быстрого перехода в фазу рецессии (см. ниже).

В то же время, несмотря на формальный небольшой рост ПИИ в 2024 г., как подчеркивала ЮНКТАД в январе 2025 г., если устранить своего рода двойное исчисление, т.е. вычесть из общего показателя объем ПИИ в европейские страны в тех случаях, когда Европа служит своего рода перевалочным пунктом для инвестиций в другие страны, то потоки ПИИ в мире в 2024 г. не увеличились, а сократились. После исключения этих промежуточных потоков ЮНКТАД пришла к выводу, что ПИИ в Европе сократились на 45% в 2025 г. В развивающихся странах приток ПИИ продолжил снижение и упал на 2% в 2025 г. (UNCTAD, 2025a).

**Ставки ряда ведущих центробанков в IV кв. 2023 — I кв. 2025 гг.
(%, данные на конец периода)**

	2023 (дек.)	2024 (март)	2024 (июнь)	2024 (сен.)	2024 (дек.)	2025 (март)
США	5,4	5,4	5,4	4,9	4,9	4,4
Еврозона	4,5	4,5	4,3	3,5	3,0	2,5
Великобритания	5,3	5,3	5,3	5,0	4,8	4,5
Япония	-0,1	0,1	0,1	0,3	0,3	0,5

Источник: (BIS, 2025).

В 2025 г. сильное негативное влияние на международную торговлю и ряд других показателей могут, в частности, оказать тарифные меры США, принятые в феврале—апреле 2025 г. Эти тарифные меры способны отрицательно повлиять на развитие глобальных цепочек создания стоимости и, соответственно, на динамику ПИИ, связанных с этими цепочками. В ряде регионов (например, в азиатском) глобальные цепочки стоимости нередко перестают быть глобальными, трансформируясь в региональные или иногда даже — в национальные цепочки. Тарифные меры США, принятые в феврале—апреле 2025 г., могут еще больше усилить этот отход от глобальных цепочек создания стоимости — в первую очередь, в направлении региональных цепочек создания стоимости.

В апреле текущего года темпы прироста ВВП в мире в 2024—2025 гг. рядом международных экспертов уже не оценивались столь высоко как раньше (свыше 3%), и даже появились прогнозы о предстоящей в 2025 г. мировой рецессии. Согласно ЮНКТАД, в частности, в 2025 г. темпы прироста мировой экономики, входящей сейчас в фазу рецессии, могут быть ближе к 2%, чем к 3% (UNCTAD, 2025b). Вероятно, по итогам 2025 г. даже при не исключенном позитивном развороте хода мировых событий (если этот разворот произойдет, например, в результате окончательного разрешения геополитических конфликтов в интересах России) не следует ожидать существенного роста потоков ПИИ в мире по сравнению со сравнительно невысоком уровнем этих потоков в 2023—2024 гг.

Некоторые возможные подходы к улучшению ситуации в сфере ПИИ

Как мы видели, ряд ключевых подходов и рецептов нобелевских лауреатов 2024 г. являются упрощенными и не подходят для решения обострившихся в последнее время проблем, в том числе в сфере ПИИ. В качестве

своего рода альтернативы некоторым идеям Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона напомним ряд подходов «старого» институционалиста Г. Мюрдаля. К тому же совсем коротко укажем несколько положений из некоторых работ ряда нобелевских лауреатов и известных экономистов, в том числе институционального направления, которые, в частности, показывают, что ряд «открытий» нобелевских лауреатов 2024 г. уже был сделан до них. (Более подробный анализ институциональной школы выходит за рамки данной статьи.)

Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст подчеркивали важнейшую роль институтов с использованием терминов «порядок открытого доступа» и «порядок ограниченного доступа» (Норт и др., 2011). Д. Норт отмечал, что причины непрерывного экономического роста в США и Западной Европе, взлета и падения СССР и ряда других стран были связаны с их институтами (Норт, 2010). Вероятно, эти подходы активно использовались при формулировке понятий инклюзивных и экстрактивных институтов нобелевскими лауреатами 2024 г.

А. Мэдиссон, не будучи институционалистом, сделал фундаментальный вывод на основе своих таблиц, что на протяжении столетий может сохраняться разрыв между группами стран, и лишь единицам из них удалось перейти из группы бедных в группу богатых (Madisson, 1995; Аузан, 2017).

Э. де Сото и Г. Мюрдаль исследовали вопрос о существовании богатых и бедных стран. Э. де Сото, которого иногда относят к новым институционалистам (Nureev, 2014), в частности, показывал, что собственность в развивающихся странах не защищена законодательно, так как нет единой правовой системы ее регистрации. Государство часто нарушает права собственности. По этой и другим причинам в бедных странах многое приходилось делать нелегально. Один из выходов экономист видел в легализации нелегальной деятельности (Аузан, 2017; Сото, 1995; 2001).

Г. Мюрдаль делал акцент на необходимости институциональных реформ в бедных странах — с целью снижения социальной дифференциации и изменения роли государства, которое он считал слишком слабым, а также существенного повышения эффективности системы планирования в этих странах. Критикуя имитацию планирования в развивающихся странах, Г. Мюрдаль, конечно, предлагал не увеличение числа бюрократов, а переход к реально работающему государству (вместо его имитации). Согласно Г. Мюрдалю, несовершенные институты и несовершенная институциональная среда — это главная причина существования бедных стран. Как писал Г. Мюрдаль, мировой рынок, включая рынок капитала, не в состоянии восстановить равновесие между богатыми и бедными странами. В данном случае речь идет о провалах механизмов мирового рынка, которые ведут к тому, что разрыв между странами углубляется (кумулятивная причинность). Например, капитал имеет тенденцию перетекать в направлении секторов и стран, в которых уже созданы условия

для его успешного использования (Myrdal, 1956; 1957). В целом Г. Мюрдаль исследовал роль рынка и государства не только на национальном, но и на международном уровне (Myrdal, 1960). С учетом нынешних российских и международных реалий, его взгляды сегодня представляются более адекватными для этих реалий, чем рецепты Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона.

В нынешних условиях, когда работа механизмов мирового рынка и механизмов межстрановых миграций ПИИ нарушается геополитическими конфликтами, санкциями, антисанкциями, экономической фрагментарностью, крайне высокой неопределенностью на финансовых и иных рынках, а также другими явлениями, ведущими к провалам механизмов мирового рынка, представляется целесообразным использовать силу государства на различных уровнях с целью погасить геополитические конфликты и поддержать международные экономические связи, в том числе межстрановые потоки ПИИ, тормозящиеся многими факторами.

Важная роль в системе аргументов лауреатов Нобелевской премии 2024 г. отведена примеру Южной Кореи. Эти авторы, анализируя «южнокорейское экономическое чудо», подчеркивают якобы идентичность экономических и политических институтов в США и Южной Корее. Например, американские ученые пишут о том, что в обеих странах существуют инклюзивные институты, и, в частности, беспристрастная система правосудия, свободный вход в различные сектора экономики, а также свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан (Acemoglu et al., 2006, p. 405–407; Аджемоглу, Робинсон, 2024, с. 105). На самом деле, «южнокорейское экономическое чудо» возникло при активном участии национального государства. В Южной Корее существовали диктаторские формы правления, и до сих пор отмечается высочайший уровень коррупции, что плохо согласуется с абстракцией «беспристрастной системы правосудия», используемой новыми нобелевскими лауреатами.

В связи с опытом Южной Кореи вспоминается книга Э. Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными». Согласно Э. Райнерту, как свидетельствует опыт континентальных стран Европы, к возникновению богатых стран привели не свободная торговля, а вмешательство государства, стратегическое инвестирование и протекционизм (Райнерт, 2024). Подчеркнем, что в Южной Корее факторами экономических успехов, в частности, были:

- умелое использование культурных особенностей и традиций;
- успешная промышленная политика;
- выбор «ключевых точек роста»;
- эффективная система планирования;
- кадровая политика;
- сочетание на разных этапах импортозамещения и экспортноориентированного роста;

- продуманная внешнеэкономическая стратегия, в том числе рациональный протекционизм.

Рациональный выбор форм, а также географических и отраслевых направлений импорта ПИИ при их активном госрегулировании предполагал органичное включение ПИИ в планы роста экономики, в промышленную и кадровую политику, в систему «точек роста» (Kwack, 1994). В связи с нередко возникающими отношениями подавления транснациональными корпорациями интересов, а также культурных традиций принимающих стран распространенной формой ПИИ были совместные предприятия пятьдесят на пятьдесят (с высокой долей южнокорейского капитала). В целом удавалось успешно сочетать внешние и внутренние факторы экономического роста. В условиях существовавшей тогда на мировом рынке монополии развитых стран и базировавшихся в них транснациональных корпораций на достижения научно-технической революции, опираясь на силу государства, Южной Корее удалось не только получить доступ к западной технологии, но и успешно использовать трансферты этой технологии для развития национальной экономики (Enos, Park, 1988).

Укажем, что высокий уровень госрегулирования в сочетании с высокой коррупцией делали не столь свободными вход в те или иные сферы, в том числе для иностранных ТНК. В целом свобода выбора сферы деятельности в Южной Корее была ограниченной. Это видно, например, как в случаях межстрановых миграций инвестиционных ресурсов, так и в случаях миграций трудовых ресурсов. Долгое время основной спрос на рынке труда в Южной Корее, в том числе со стороны совместных предприятий с участием иностранного капитала, — это был спрос на рутинный труд, причем преимущественно женский. В этих условиях мужчины нередко были вынуждены приобретать экспортные профессии (например, строителей) и эмигрировать (Sassen, 1988). На самом деле, не только выбор профессии был вынужденным, но и выбор страны проживания. Другими словами, схемы новых лауреатов Нобелевской премии применительно к Южной Корее, как и их экономические схемы в целом, выглядят излишне упрощенными.

Выводы

Ситуация в мировой экономике и связанные с ней межстрановые потоки ПИИ в последние 10–15 лет характеризуются высокой неустойчивостью. Новые таможенные меры, введенные США в феврале–апреле 2025 г., могут еще больше осложнить положение и даже, согласно ЮНКТАД (апрель 2025 г.), привести к рецессии в мировой экономике.

По мнению лауреатов Нобелевской премии 2024 г., активно выступающих с антироссийских позиций, ключ для решения проблем эко-

номики во многих странах, включая Украину, — это изменение их политического режима с целью создания инклюзивных институтов по западному образцу. Как представляется, это очень упрощенный взгляд на реальность, что подтверждает, например, опыт успешного экономического развития КНР в долгосрочном плане, который не вписывается в схемы этих американских экономистов. Также плохо согласуется с их ожиданиями, например, ход событий в ряде африканских стран (после революций).

Сегодня в сопоставлении с идеями нобелевских лауреатов 2024 г. представляются в известном смысле более адекватными реалиям ряд подходов нобелевского лауреата 1974 г. Г. Мюрдаля, шведского экономиста «старой» институциональной школы. В частности, Г. Мюрдаль, исследуя роль государства не только на национальном, но и на международном уровне, писал о случаях провалов рыночных механизмов. Вероятно, сегодня в условиях высокой неопределенности и международных конфликтов, когда плохо работают механизмы мирового рынка, необходимо применить силу государства на всех уровнях с целью погасить геополитические конфликты, предотвратить возможное сползание мировой экономики в фазу рецессии и поддержать международные экономические связи, в том числе межстрановые потоки ПИИ.

В условиях нынешней нисходящей волны глобализации, когда межстрановые потоки ПИИ являются нестабильными и в целом в мировой экономике усиливается неустойчивость, повышается актуальность вопросов оптимального сочетания внутренних и внешних факторов роста экономики РФ. В связи с этим для России и других стран многие аспекты южнокорейского опыта являются по-прежнему актуальными. Это, в частности, касается продуманной балансировки в Южной Корее внешних и внутренних факторов экономического роста, импортозамещения и экспортоориентированного роста, плановых и рыночных механизмов. Также актуален южнокорейский опыт импорта ПИИ, предусматривавший успешное сочетание ограниченного в масштабах участия иностранцев в проектах ПИИ с решением приоритетных внутриэкономических задач, использованием «точек роста» экономики, адаптацией импортированной технологии, рациональным протекционизмом, эффективной подготовкой национальных кадров, умелым учетом национальных культурных особенностей и традиций. Хотя при всех их достоинствах подходы нобелевских лауреатов 2024 г. к анализу опыта Южной Кореи являются слишком упрощенными, их особый интерес к этой стране выглядит оправданным.

На международное инвестирование в последние годы оказывают негативное воздействие многие факторы (геополитическими обострения, экономическая фрагментарность, неопределенность на финансовых и иных рынках, другие факторы). Подчеркнем, что антиконституционный перево-

рот на Украине против В. Януковича в 2014 г. и последовавшие за ним геополитические обострения стали триггером многих негативных процессов в сфере международных экономических связей, в том числе международного инвестирования. Улучшению ситуации в области ПИИ в мире способствовали бы дальнейшее его движение по траектории к полицентризму (включая повышение роли России на международной арене) и успешное разрешение геополитических обострений (в соответствии с предложениями РФ).

Список литературы

Аджемоглу, С., & Робинсон, Дж. (2024). *Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.

Аузан, А. (2017) *Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь*. М.: МИФ.

Григорьев, Л. М., & Павлюшина, В. А. (2018). Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. *Вопросы экономики*, 7, 5–29

Дзарасов, Р. С. (2016). *За лучшую долю! Украинский кризис сквозь призму мир-системного подхода*. М.: ЛЕНАНД.

Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. М.: ВШЭ.

Сото, Э. де (1995). *Иной путь. Невидимая революция в «третьем мире»*. М.: Catallaxy.

Сото, Э. де (2001). *Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире*. М.: Олимп-Бизнес.

Райнерт, Э. (2024). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. М.: ВШЭ.

Шаститко, А. Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы»). *Вопросы экономики*, 1, 145–156 <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-1>.

Acemoglu, D, Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*, 5, 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2006). *Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth*. in Aghion, P. & Durlauf, S., Eds. *Handbook of Economic Growth*, Amsterdam: North-Holland.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2019). *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. UK: Penguin Press.

BIS. (2025). *Central bank policy rates database*. Retrieved April 20, 2025, from <https://data.bis.org/topics/CBPOL/data>.

Bohr, N. (1949). *Albert Einstein: Philosopher-Scientist*. Cambridge: Cambridge University Press.

Enos, W., & Park, J. (1988). *The Adoption and Diffusion of Imported Technology*. London: Croom Helm.

Ferry, L. (2011). *A Brief History of Thought: A Philosophical Guide to Living*. N-Y: Harper Perennial.

IMF. (2023). *World Economic Outlook (April)*. Retrieved April 20, 2025, from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023>.

IMF. (2024). *World Economic Outlook (October)*. Retrieved April 20, 2025, from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024>.

Kwack, S. (1994). *The Korean Economy at a Crossroad: Development Prospects, Liberalization, and South-North Economic Integration*. London: Praeger.

Maddison, A. (1995). *Monitoring the world economy 1820–1992*. Paris: OECD

Madisson, A. (2004). *Growth and interaction in the world economy: the roots of modernity*. Wash.: EAI press.

Mittal, A., & Moore, M. (Eds) (2014). *Walking on the West Side: the World Bank and the IMF in the Ukraine Conflict*. Oakland: Oakland Institute. Retrieved April 20, 2025, from https://www.oaklandinstitute.org/sites/default/files/2025-03/OurBiz_Brief_Ukraine.pdf.

Myrdal, G. (1956). *Development and Under-development: A Note on the Mechanisms of National and International Economic Inequality*. National Bank of Egypt, Cairo.

Myrdal, G. (1957). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. London: G. Duckworth.

Myrdal, G. (1960). *Beyond the Welfare State*. London: G. Duckworth.

Myrdal, G. (1968). *Asian Drama. An Inquiry into the Poverty of Nations*. New York: Twentieth Century Fund and Pantheon Books.

Nureev, R. (2014). Development Economics: Neoinstitutional Approach of Hernando de Soto. *Journal of Institutional Studies*, 4, 8–21.

Sassen, S. (1988). *The Mobility of Labor and Capital*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith, S. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: W. Strahan and T. Cadell.

World Bank. (2025). World Development Indicators database Retrieved April 20, 2025, from <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/1ff4a498/Popular-Indicators>.

UNCTAD. (2024). *World Investment Report*. Retrieved April 16, 2025, from <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>.

UNCTAD. (2025a). Global Investment Trends Monitor, 48. Retrieved April 16, 2025, from <https://unctad.org/publications-search?f%5B0%5D=product%3A609>.

UNCTAD. (2025b). *Trade and development foresights 2025: Under pressure — uncertainty reshapes global economic prospects*. Geneva: UNCTAD.

UNCTAD. (2025c). *FDI database* Retrieved April 16, 2025, from <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>.

References

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2024). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. M.: Ast.

Auzan, A. (2017). *The Economy of Everything. How Institutions Define Our Life*. M.: MIF.

De Soto, H. (1995). *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. M.: Catalaxy.

De Soto, H. (2001). *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. M.: Olimp-Business.

Dzarusov, R. (2016). *For the Better! Ukrainian Crisis through the Lens of the World-System Approach*. M.: Lenand.

Grigoryev, L., & Pavlyushina, V. (2018). Inter-country inequality in dynamics and the problem of post-industrial development. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 5–29.

North, D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. M.: VSE.

Reinert, E. (2024). *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*. M.: VSE

Shastitko, A. (2020). Between the Scylla of despotism and the Charybdis of social norms (On the book by D. Acemoglu and J. Robinson “Narrow corridor: States, societies and the fate of freedom”). *Voprosy Ekonomiki. 1*, 145–156. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156>.